

Что читать для ознакомления с учением об анархии — с анархизмом?

- «Речи бунтовщика» — Петра Кропоткина.
«Хлеб и вола» — его же.
«Узаконенная мещ, называемая правосудием» — его же.
«Вот и государство» — Михаила Бакуня.
«Личность и ее достоинство» — Макоя Шпирера.
«Умирающее общество и анархия» — Жюль Грана.
«Вудное общество» — его же.
«Неужели так плохо?» — Лью Толстого.
«Песни к бибералам» — его же.
«О заветной русской революции» — его же.
«Религиозная язва» — Югана Моста.
«Приступания бога» — Себастьяна Фора.
«Анархия» — Элизе Реелья.
«Эволюция, революция и идеал анархизма» — его же.
«Краткая система анархизма» — Эрико Малацетты.
«Крестьянская речь» — его же.
«Что такое «общество»?» — Пьера Жюльера Пуруа.
«Реальная французская революция» — Петра Кропоткина.
«Вызимая помощь у животных, как фактор эволюции» — его же.
«Современная наука и анархизм» — его же.
«В русских и французских тюрьмах» — его же.
«История анархизма» — Бенжамена Туверья.
«Анархия» — его же.
«Анархизм» — Дюана-Геври Маккая.
«Политика интернационала» — Михаила Бакуня.
«Речь анархиста перед судом» — Жюлья Этьенна.
«Речь в суде Матроны Прилжиковой в 1908 г.»
«Революция и революционное правосудие» — К. Ортейли.
«Евангелье часа» — Пола Берто.
«Как можно поработить народ учением Христа» —

Траба о юристах.

Уже многие в наше время додумались до того, что современный общественный строй находится под давлением не одной лишь волевой силы, но и насания небольшой кучки людей, овладевшей капиталом и властью и, через посредство военщины, державшей в подчинении огромное большинство эксплуатируемого народа и доведенного до рабочего состояния человечества. Но редко кому приходится думать о той крупной роли, которую играют в этой эксплуатации большинства человечества меньшинством юристов.
Обыкновенно полагают, что юристы не только не вредны, но даже весьма полезны. Их считают представителями права и никому как им не вменяют в заслугу постепенное развитие и гуманизацию законов. Особенным же путем пользуются адвокаты, защищая всякого рода преступников и тем способствуя им, если не полному избавлению их от мучений, то по крайней мере значительному их облегчению.
Но стоить поближе вдуматься во все это дело, которое производится современными юристами, чтобы понять, что, с какой стороны ни поглядеть, в нем нет ни одной светлой точки и вред от него превосходит, поистине ужасен.
Прежде всего, основной грех современных юристов заключается в том, что они несколько не являются представителями права, а в лучшем случае могут быть названы лишь представителями господствующего в данном государстве законодательства. Законодательство же, являясь в современных государствах и правосудием, не только различно, но и противоположно.
Право имеет целью установление свободы — равную для всех членов общества. Оно смотрит на всех людей, независимо от различия их природных качеств и дарований, как на равноценные существа, и считает, что возможность применения своих сил к какому-либо

труду и удовлетворение всех потребностей тела и души должны быть уделом всех. Для права не существует никаких компромиссов и половинчатых решений.
Совершенно не в целях прислужения законодательству любого из современных государств. Правда, оно часто оперирует словами «свобода и равенство», но, по существу, оно имеет главной целью во — пересел, сохранение власти теми, кто ее в данный момент захватил, во — сторич, сохранение имущества теми, кто им в данное время владеет, и, в — третью, борьбу со всеми теми членами общества, которые вздумают посягнуть на власть и собственности. Таким образом, даже самое переловое из современных законодательств имеет целью не свободу, равно для всех, обезпечивающую труд и пользование всеми благами жизни, а единственно лишь охрану власти и капитала немногих людей в ущерб большинству человечества.
Странно, однако, убедиться в том, что юристы нашего времени весьма далеки от того, чтобы способствовать хотя бы постепенному удушению господствующего у нас законов. Не говоря уже о чиновниках, — судьях и прокурорах, которые на то и назначены, чтобы исполнять закон по букве или вать консервативными, но даже и те, кто поднимает вопрос о недостатках существующих законов и о необходимости реформ, ведут нас не вперед, а назад и, в лучшем случае, топчутся на одном месте.
В самом деле, каков характер всех годовосов о реформах? Один предлагает уничтожить смертную казнь и заменить ее каторжными работами на всю жизнь, или на известное число лет; другой предлагает установить прогрессивный налог с доходов и тем облегчить положение бедняков; третий вносит проект о восьми часовом рабочем дне и т. д. и т. д.
Все эти законы будто рачьи танцы на то, чтобы облегчить тяжесть, которая давит на большинство человечества, но на самом деле они не помогают совершенно никому, а производят только обман — будто помогают кому-то. Каторжные работы для большинства хуже смерти: при прогрессивном подоходном налоге капиталисты умудряются переложить его на бедняков, зачисляя его в сумму издержек своего производства и прогрессивно увеличивая цены продаваемых им товаров: восьми часовая рабочая день приводит к интенсификации техники производства, превращает рабочего в один из бесчисленных прилатков одной из нескольких машин, несет за собою кризисы и все возрастающее число безработных и т. д. и т. д. Но при отсутствии приведенных или бы гуманных законов или современного законодательства зло беззакония являлось бы в глаза и скорее привело бы к замене его истинным правом, — теперь же, когда господствует «законодательный прогресс», происходит совершенно обратное явление. Большинство человечества водится в обман. Его надежды возложены на законодательную власть, и оно совершенно не замечает, что путь его к своему спасению вовсе не в этой сфере. И самое печальное в этом то, что сами обманывающие наивно считают себя «спасителями угнетенных». Происходит то же самое, что происходило в прошлом веке — до уничтожения крепостного рабства. Как раз те, кто обращался со своими рабами гуманно, являлись самой причиной оторой рабства. Ибо, если бы все господа были бы беззачемны, то рабство было бы совершенно экономически не

общественно и в самом своем применении и должно было бы скорее уничтожиться.
Но так как существовали и патриархальные господа, то у общества создавалось мнение, что рабство само по себе вовсе не плохая вещь, надо только, чтобы барин был хорошим. И лучшему и много умных и добрых людей искренно высказывались против уничтожения рабства. Но же самое и теперь с законодательством наших дней. Как раз те, кто думает поправить законы законодательством, невольно берут на себя роль или, приоткрываясь прогресс. Они не уничтожают ни ата современных пенитенциарных систем и эксплуатаций народа капиталистами, ни страдания угнетенных властью, а ведут лишь к тому, что старая жесткая власть и прежде порабощенное большинство человечества меньшинством принимает лишь новые формы, — старая, покаянная отравой пытка пододвигается только в сладкой оболочке.
Нало ли, после всего вышесказанного, долго распространяться о том, что даже адвокаты, которых считают «благотельми» человечества, несколько обществу не полезны, но вредны.
В самом деле, почему они выступают на сцену в роли защитников? — Потому, что господствующие законы государства нарушаются. Но истинное значение законов государства, имеющие целью увеличение блаженства человечества, мы знаем, так, что не могут не нарушаться. Та истина, что существование права заключается в равной свободе для всех — пользоваться плодами трудов прошлых поколений, свободно добывать новые блага — эта истина настолько присуща сознанию большинства людей, что если бы не рождался с каждым днем все возрастающий и возрастающий число нарушителей государственного закона, К чему же людей зашпица, когда знают, что они не виноваты ни в чем, и что единственно преступлением является нарушение государственного с его противным праву законодательством. Не очевидно ли, что единственная достойная адвоката долг — сложить с себя свое звание и стать в ряды нарушителей государственных законов и тем самым увеличить число борцов за истинное право.
Высший юрист.
Ответ бога.
В свирепой молнии я:
— О, Воля моя, спаси меня
От зла, лиха и слезы!
Вдруг слышу голос с небес:
— Спасай себя ты не проси!
Спасайся сам,
Не обращай в небесах.
На созвездии себя богос:
Иеромахом и попов,
Пророков равных и святых...
Ну, так и пробудил от них!
Уж я махнул на вас рукой:
У вас пороков ведь много!
Кто — покаян вор, тот — ведь в вешах,
А кто трудился не для себя,
Тот — самый свирепый человек.
Я пробавил уж вас спасать
И, чтобы путь вам указал
Куда вы идете, любя,
Чтоб вы не заблудились в мглах,
Послы я вам сына своего...
А вы распяли там его!
Ну, как же вы еще спасать?
Но самому же я вам спасать!
Кляте же меня один,
И корчите ваши дни,
Но не свирепым мне вобсе,
Чтобы и явился я вам не слез —
И всех пороков мглаю
Не смеха с вами долой!
Корреспондент.
* Анархистам не полагать попи Томского. Да вот эти не, все больше делались. Наше, анархистов, убеждение, что власть разрастается властью и подвешивается, являясь здесь подтягивается, и в конечном итоге, полагаясь на Покроткина, наш совет рабочих депутатов и рудничной комитет — сердце кровью обливаясь. Дед

так омырваны, так обезображены властью и погоней за нею, что неотвязный вопрос назойливо свалит мозг: то это — жизнь разумных существ или волевой сумашудств, созидающая стору радости от опущения бытия — борьба или борьба до ищкопатов, колония прожженных?
Председателем совета р.д. в прежнем составе был гражд. Чернобаев, пользовавшийся среди рабочих авторитетом поударственности. Почуяв на себя «закортег» власти, Ч. стал думать о себе самом и о том, чем паразитизм до этого «события» — то есть народ на окружавших его или на саженье, то уж во всяком случае на несколько частей верхка. А за тем начал «баловать» и самого себя... пока не обрелся.
С 5 января в новом составе совета начал председательствовать гражд. Рюкот. Послушанием, бывало, до этого — революционным соловьем мог. А недели через две так, после пребывания у руля власти, начал уже потыпывать конфискованную самоготу. Дальше — больше, наконец — обрарился буквально в десяток в отношениях с рабочими и все в павезеражи. «Дальше — больше, надо быть... дипломатическим политиком».
Секретарствует в совете гражд. Сашоново, в свое время не желавший разстаться с «универсальным» погоном на своей шее, а теперь облизывается в тушку гражд. офицерского покров. Суть, конечно, не в поворе и не в владыке. Можно и по пост-жидарскому мучению, но иметь хушу жан дарма.
Их много...
Эс-эры ли эс-эки, большевики ли максималисты — они, безразлично. Они — властолюбивы, и как все властолюбивы, они — ненавидят революцию, и именно эту ненависть и возмущают, и раздражают человека, вызывая пламенный бунт против всяких кумиров и идиолог. Их крошечное, мизерное «я» не понимает революции, но и революция не признает их мизерного «я».
Самое свирепое заключение в том, что они сами топят и содействуют уничтожению революции, и именно этой революцией в самом себе. Они так «сознательны», что никак повать не могут, даже представить себе, допустить же могут, что власть — один из ужаснейших врагов революции и пособников — контр революций.
Революционер, во время революции и революции, должен быть творческим деятелем.
Это вполне их понимая — футлярного, партийного, узкого.
Разумеется, что от шахтеров и рабочих вообще все чаще приходится слышать:
Правду говорят анархисты, что власть — паразит, парит людей, и потому, чего готово, но святейшего мало.
Анжерская группа анархистов слабовато проанализировали сламы и организаторские способности. Поэтому я обратился к товарищам — анархистам с волею, к братьям: проанализируйте, рабочие! придите помыслить, как бы арренту!
Митрив-Голак.
Табля Томской. Настоящий момент в нашем углу можно характеризовать как сочетаниеная эрмия социалистическая (теперь ведь — все социалисты) партии — за власть, — за это давно уже обглоданной кости. Бель: социальство — тьма, социализм я миз (а не на их) — ведь! — ставился властью, и в том, что скорее стужа, самим изурядными! бумагожарными, выжувыми, совершенно забывшая о том, что отменными и проанализирующими, прищипками, переносками, отписками, ищипками и запятыми жизнь невозможно направить, а тем более велить ее поспирить. Если она и имеет свой закон, то во всяком случае не истинный и не жванчический, как, например, конструкция глыбистый или кузнецкий. В данное время жизнь может направляться только революцией — своим действием, творчеством, сознательным и организованным беззачемством, но не обманчивым и не ищипками веревки. Это не только так, но и будет забывать властью, что — изуст-горыщий плод от дерева... глушности и тупоумия.
В конце марта у нас переизбран совет р.д. Окончилось «царские» слабые подголосочные робких томских голосов, именованных так давно громкие поуги «учреждаль» и гостехивать над этой... герилью, все определяется и определяется не желанием и правдывать над собою жванчический госнод. Направление деятельности с р.д. пока не выяснилось. Несомненно одно, что 1 его ждет беззачемный конец, если он пойдет по проторенной дорожке — «нашим — нашим» — как неа его предостережений, рабства, и в конечном итоге, полагаясь на Покроткина, наш совет рабочих депутатов и рудничной комитет — сердце кровью обливаясь. Дед

Настроение рабочих пришло, чуть чернее: все ожидают шавер... от земных властей (с леба: тынешь же ждот почти никто уж). Но некто-то в зямле... чужае! Извердил и гонимый, что если вы бедных людей для себя не считаете, но и никто не считает для мизе мизе.
Аз-Буа.
Считать необходимым заявить, что в честь Томского союза объединенных анархистов и выпуса 3 апр. (21 мар.) 1918 г.
Евгений Каюев.
Редактор Е. Д. Каюев.
(издателю — издателеское — во «Лабат»).
ОТЧЕТ.
Томского союза объединенных анархистов с 6 мар. до 1 апр. (н. ст.) 1918 г.
Добровольные взносы член. 58 р. — к.
По подписным листам . . . 142 р. 24 к.
От распр. литерат. и проч. . . 84 р. 04 к.
Привод 284 р. 28 к.
За получением литературы 190 р. 81 к.
Плюс за печ. «Отг. к сов.» 93 р. — к.
Контрольные расходы . . . 27 р. 50 к.
Итого . . . 222 р. 06 к.
Расходы . . . 2 р. 70 к.
Рассог 263 р. 07 к.
Остаток на 1 апр. 1918 г. 21 р. 21 к.
ОБЪЯВЛЕНИЯ.
Периодические издания анархистов:
АНАРХИЯ,
газета, адрес редакция: Москва, Марковский переулок, д. 12, к. 7.
БУРЕВЕСТНИК,
еженедельная газета, адрес редакции и копторы: Петровск, Николаевская ул., д. 26.
ХЛЕБ И ВОЛА,
орган федерации анархистов г. Харьков, адрес: Харьков, Садово-Кутюковская, 25.
РЕВОЛЮЦИОННОЕ ТВОРЧЕСТВО,
еженедельник, подписка плата: на 1 год — 42 руб., 6 мес. — 22 р. 50 к., 3 мес. — 12 р., 1 мес. — 4 р. 25 к., отдельный 4—5 р., с пересыл. налож. платеж — 5 р. 75 к., адрес: Москва, 4-я Тверская — Имская, д. 20, кв. 10.
СВОБОДА ВУТРИ НАС,
орган Киевской ассоциации анархистов, адрес: Киев, Малая Житомирская, 19, кв. 1, секретарю Павлу Арренту.
БУРЕВИСНИК,
на малороссийском нарччч адрес: Харьков, Садово-Кутюковская, 25, дал «Буревишня».
ГОЛОС ТРУДА,
еженедельник, адрес редакция и копторы: Петровск, ул. Жуковская, д. 38.
ЧЕРНОЕ ЗНАМЯ,
орган Владивостокского союза революционных анархистов, адрес: Владивосток, угол Сыташенной и «Магросской», д. 88.
СИБИРСКИЙ АНАРХИСТ,
адрес: Красноярск Вайсшейной, Николаевская, Средне-Вокзальная, 55.
БУНТОВЩИК,
орган пропанда ией анархизма, адрес: Томск, Уражский, 7, кв. 10. Е. Каюев.
В РЕДАКЦИИ «БУНТОВЩИКА»
имеются для распространения листки:
Об анархии,
Воля, победа и мир,
Правда о капитале,
Брошюры:
Памятка бедняка солдата,
Отрешитесь от рабщины, торрентные наработки и революционные песни.
ОЖИДАЕТСЯ БОЛЬШОЙ ТРАНСПОРТ ЛИТЕРАТУРЫ ИЗ ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ.
Названные листки и брошюры можно высылать в редакцию «Бунтовщика».

БУНТОВЩИК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОРГАН ПРОПАГАНДЫ ИДЕЙ АНАРХИЗМА.

№ 2.

Томский областной комитет по делам печати Т-50069

Воскресенье, 14-го (I) апреля 1918 года.

№ 2.

Цена в Томске 40 коп., в др. Томска 45 коп.
 Редакция против другой чужеземной, розничной и оптовой торговли прокладкой для изготовления валюты, порочения и т. п. в афи.
 Цена их должна на одной стороне листа. Необходима—полая подпись автора и его почтовый адрес. По возможности рукописи отправлять в конверте.
 Личный прием в редакции: по адресу: Томск, Уржатский, 7, кв. 10.
 Адрес редакции: ТОМСК, Уржатский, 7, кв. 10.

Рабочие и Крестьяне!

„БУНТОВЩИК“—это ваше издание потому, что оно борется за **ПОЛНОЕ ОСВОБОЖДЕНИЕ** всей ТРУДОВОЙ БЕДНОТЫ. Так помните же, друзья, о том, что ваше издание может существовать только при вашей как материальной, так и **НРАВСТВЕННОЙ** поддержке. Издание может держаться только при содействии и помощи вас **САМИХ**. Распространяйте же его,—читайте и, после прочтения, передавайте другим. **СНАБЖАЙТЕ ДЕРЕВНЮ НАШИМ ИЗДАНИЕМ**. Все отчисления, сборы и взносы направляйте исключительно по адресу: **ТОМСК, УРЖАТСКИЙ, 7, кв. 10, Е. КЛЮЕВУ**. Подписные листы для сбора пожертвований на издание „Бунтовщика“ высылаются и выдаются в редакции с 1 до 2 ч

По поводу выступления Японий.

Всякое государство, как и весь мир, разделено на господ и рабов. Когда упоминают слово „государство“, это говорит о господствующем в государстве классе. Исключение составляют эпохи революции, когда рабы рвут цепи рабства. В таком положении находится теперь Россия, а остальные государства—в обычном, хотя и в них *разрываются* искра бунта порабощенных. Поэтому, говоря о Японий, Англии, Франции, Германии, Австрии и др. государствах, подразумеваются господствующий класс и его привилегии, говоря же о России—революционные слои ее прежних классов, разрушающих старый мир.—Россия гитнет,—говорят богачи, чиновники, все продажные гварии и табуны из бедняков. Да,—*рабско-господская Россия гитнет*. И пусть. Губите ее, не жалейте! Смотрите и любуйтесь: растет молодая Россия свободных людей. Шляхи дороги шире перед ней!

Вот поэтому-то государство, как соотнрешение рабовладельчества, теперь против России. Япония первая, но не одна она. Против нас государство вообще,—против нас все государства, как выражает господства паразитов над тружениками.

Но это совсем не печально, а радостно. Государство опогнётся, разинуло свою пасть, значит—она покуда опасна для себя, как идея, для основ своих. Основы государства расшатываются, и близится день их падения. Этому воп и радуемся мы, анархисты: мы желаем и стремимся стать свободными от государственного рабства.

Открылась, оскандалила зубы и разинула свою пасть на Россию Япония. Не в боязни конкуренции и не в жадной захвата земли, пространства,—причина этого выступления. Во всяком случае захват территории имеет значение *отторжения* в выступлении Японий и всей телой компании государств против России. Среди них и „мизан“ Франция, задуманная русскую революцию 1905—7 г. г. своим золотом. Разрушенная, напомаженная, подрыванная, парадная и продажная любовница капиталистов и владетелей, главная протестука капиталистического мира. Франция выраждающейся буржуазии наывает, через своих официальных представителей, „наступление японцев вполне естественной полнейшей мерой“. Вот они крокодильи слезы и волчий зубы „нашей милой союзницы“, какою считает ее российская либеральная буржуазия. Вместе с Францией, конечно, Англия и вся свора государств революция для всех их—смертельный яд.

Что же главная причина выступления Японий и др. „культурных“ государств против „варварской“ России? Причина эта—русская революция, вселяющая во всем мире на

протяжении всех минувших времен. Никогда положение старого мира не было настолько шатким, как теперь. Русские „варвары“ опередили своих „цивилизованных“ братьев в своем стремлении к лучшему—вперед. Старый мир, „элементарный и элементарный“ всеми государствами, разрушается молодой Россией. Вот где—собака зарыта, вот в чем—грозда, главный вит, основная жужина выступления Японий против России,—выступления государства против русской *созидательной* революции, стремившейся разрушить *власть*, как экономическую, так и политическую,—власть капитала и государства (богачей и привилегий).

Одну рукою японская господствующая мразь озверела, как лавина, дунит разрывающее революционное брожение внутри японского рабочего класса, другую протравляет, заранее заручившись поддержкой остальных государств, чтобы заглушить русскую революцию. Микадо крошит за свой гроб, японские кулаки—за свой парничок и готовя поэтому спасать Николая Безземляного и русских помещиков и богачей, эти „угнетенные невинности“.

„Цивилизованные“ дикари не останавливаются ни перед чем. Чтобы создать формальный повод (именуемый учеными *casus belli*) к смертной войне над русской революцией, они не брезгают кровавой провокацией. Участ „печальная“ русского коровофанного тигра и якоря безогнотного коровофанного палача Японий и его опогн—японскую буржуазия. И вот грязными руками российских убийц они отнимают жизни двух—трех своих „верх-подопалых“ и живущих во Владивостоке, для того, чтобы „создать“ *casus belli*. Тут нет ничего особенного и удивительного: таквы капитал и власть ищуте всех стран и всех партий. Господствующий класс Японий ни хуже ни лучше господствующих классов других государств,—в данном случае он оказался только понахальнее других, выступивших во всю лапу свои звериные когти, потому что на его стороне оказалось больше духовного убозства и грубой силы палача.

Здесь уместно упомянуть о том, что русская буржуазия, открыто высказывавшая свои „пожелания“: „хоть бы германцы поскорее поради населе“, гордо симпатизирует выступлению Японий против России. Полятоно, русская нечисть не может не симпатизировать японской шпалы. По-бому фарисейское притворство националистов и патриотизма, по-бому деланный стыд канжой; революция самим образом претмушествует господ и владетельно! Для здрачих обнажилась окончательно отвратительная физиономия фарисейского старого мира.

Но что же дальше? Как быть? Что делать? Где выход? Российским властями „заявлено“ протест и по всей Сибири „объявлено“ военное положение. Ценность

всех словесных протестов—ноль без десятиц. „Объявление“ всей Сибири на военном положении тем больше непонятно не с *политической* и стратегической точки зрения. Почему? Зачем? Какие выгоды для японских „государственных разбойников“ и палачей, именующихся деятелями, имеют, напр., Туркханы, Нарым, Сургут, Якутск и тундры севера и прочие северные медвежьи углы? „Мероприятия“ „заявленные“ и „объявленные“ можно объяснить только старческим размижением мозгов наших „государственных деятелей“. Неужели они дожили, уж до потанинского возраста? Пересылают и отпел в утре пасмурных дней? Рокочной коней всякого „сподлического“ течения в нашей революции. Все политические экзальбраты, салютотрагисты, балдажные комиты и табуны так оговачт свое мажорное прозвоние.

Между тем выход имеется—протрутите, не ваять и секунды, к вооружению беднейшей и наиболее революционной части рабочих и крестьян Сибири *Амуро*, с Приморскою обш., где японские паразиты уже начали орудовать. Государственные „служки“ орудуют в этом *анархическому* методу скептически, тем не менее в нем—единственное средство спасения революции от интернациональных и отечественных контр-революционеров. Красная гвардия, красная армия помоч не могут, вооружение же *самых* заинтересованных в успешной революции рабочих и рабочих—одно противодие против разлагающегося дая реакции. Конечно, оно разрушает реакцию, разрушает и государство, этот старий и подувой дая омакт всякой реакции, но оно одно, это противодие, может обезопасить *делательство*, но не оформлений, не призрачный успех крестьянско-рабочей революции.

Большевики должны лопнуть это, есай только они не хотят облажаться с реакцией, есай только они не хотят сознательно идти по пути *сознательности* и сознательно угнеть—революционную реакцию, но существуют самой ужасной, как дая революции, и остаются, как рак,—на неле старого мира, как их социалистические предшественники и сыбраты в прошлом году русской революции.

Но уж мот ли они, заравнившие проказую власть, понять это? Это вопро, на который приходится ответить отрицательно.

Несомненно одно: знай Япония капиталистических феодалов, буржуазных крепостников, инструмент „агентуры“ ли попорту японца который оборудован по последнему слову науки, о том, что вооружена *рабоче-крестьянская* Сибирь, она, при всей своей изворотливости, не решается бы поприказывающей интурусского буржуа, хотя и в высшие интересы, и не побуждается бы даже протрунуть свою лапу к Владивостоку, не тогда уже о том, что не высказала

бы полагания противлять ее дальше кдае до Урала. Разрушая русское капиталистическое крепостничество, но славя бы и японским удавам и агрусам русские рабочие и крестьяне. Но противостать могут только вооруженные (колено, не в форме армии). Покабьтсь же об этом *самой*, не возлагайте надежды ни на большевиков ни на советы депутатов. Большевики, металые в болячки над крестьянами и рабочими, сами начал копать себе яму, вооружая военно-пасных (между ними встречаются и подбедмановы) *пржеде* вооружения своей рабочей и крестьянской среды. С той же оренш укреплены своих начальнических оидений—они правы, но с точки зрения *революционной* практики—их *ползничатые*, подоумательские действия не выдерживают и первого натиска крпигии.

Пока дело поправимо,—пока не

поздно. Рабочим и крестьянам необходимо отказаться от услуг всех вожаков, лавач, командиров и пеленателей и *самой*, без всяких посредников и синекретов, пролагать дорогу в новый мир,—к лучшему. Свое кровное дело надо взять *непосредственно* в свои мозолястые руки. Так будет вернее и прочнее. Могут ли это сделать советы депутатов? Нет. Но это могут сделать *самой* рабочие и крестьяне.

Вас пострашат буюй и буржуа и социалсты, вместе они скажут вам аггресивно-трагическим тоном: „Это *анархический* путь“. Не бойтесь. Когда вы станете *сознательно* анархистами, только тогда будете и *свободными*.

Вие старей нет *независения* ни для рабочих, ни для крестьянской бедноты.

Не плачте!

Не плачте над грудами павших борцов, Не бойсь о оружье в руках: Не пойте над ними надгробных стихов, *Самой* не *смертью* их *прест*.

Не плачьте ни над тем, ни над мертвыми, Смотрите их думный помет.

Плачьте без старика но мертвым телам, Нестие их знамя вперед!

С прагом их, под знаменем тьх же идей, Везде их бой до конца!

Бит почесты душе, нет трыны святиг: Для *тебя* достойной борца.

А. Пальмин.

Чего не хватает?

Революция продолжается. А народные массы страдают и чего-то ждут. *Ждут*, что *кто-то* их *устроит* и даст все, что им нужно: пищу, одежду, жилище, образование и т. п.

Мига едет—когда-то будет. А пока-что в этом направлении ничего из этого ничего не сделано за истечши первый год революции.

Замечается уже охлаждение и начало разочарования, а контр-революция между тем готовится попить свою годовую и креншет с каждым днем за счет революции.

Печально, конечно, но *это факт*. И в этом нет ничего удивительного: социал-государственный весь оттобен, влов, разнородностей и *мастер* поучки простодушных, что в тот момент, когда власть будет в их руках, то тогда же начнется осуществление, волюнчезное социализма, которое вскоре и закончится полной победой труда над капиталом.

Но вот с начала революции эта самая власть все время давалась сама в руки и среди *искателей* ее произвола, профвоит и будет производить, иначе и быть не может, дикие и бессмысленные раздоры.

Они и них говорят, что у нас-де промышленность слабая, народ темный, невежественный, и тем самым недогонят от вступит в обетованное „царство социализма“. Нет, крайних „концентрация капитала“, „централизация власти“ и „пролетаризация масс“. Словом, бедный недостаток—выблены в котле капитализма“, но давшему выражению Плеханова, кажется: Выходит так, что „революция по Марксу“ должна быть буржуазной, а потому выход из положения—в коалиционном министерстве и затем в управительном *сообразии*.

Другие из них, посмеяле, выраваи у тех власть „объявляи“ революцию социальную, но социализма по своему марксо-ленинскому рецепту что-то все еще не изготовили.

Предполагается в Томске замена безработных служащих в разных бумагооарабельных „учреждениях“—домовладельцев и прочих *имущих*, а также их жен, дочерей и вообще лиц, могущих существовать за счет других, совсем не идет к социализму, ибо эксплуатация не только но ослабляется этиа, а наоборот—усиливается, принимает более смеклетую, хитроумную и, следовательно, тьжевую форму. Это просто означает—„Ты, мизый домовладелец, мизой своим „домашними“, а работай на тебя будешь голаш“.

Организация государством общественных работ для раскормивания безработных мизуда не годится, ничего собою не ширинет, кроме обмена голодающих, затуманивания их сознания, потому что она *опять-таки* является на эксплуатация рабочих государством. Затеи и затряпывания с без-

4052/122
2 50

„Дух разрушения—созидающий дух“.

„О угнетенными против угнетателей—всегда!“

БУНТОВЩИК

20 коп.

Орган пропаганды идей анархизма.

Редакция просит друзей читателей, товарищей и сочувствующих присылать для напечатания заметки, корреспонденции и статьи. Писать их нужно на одну сторону листа. Необходимо—полное подлинное имя автора и его точный адрес. По надобности рукописи возвращаются и именуются.

Т-50063

Личный прием в редакции: по понедельникам с 1 до 2 час. дня.
Адрес редакции: ТОМСК, Уриятский, 7, кв. 10.

№ 4.

Среда, 1 мая (18 апреля) 1918 года.

№ 4.

Гонения на анархистов.

Опять гонения на анархистов становятся ожесточеннее, достигая крайнего предела, граничат с насилием, с уголовно-шательством. Гонения в Харькове, в Самаре, в Воронеже, в Таганроге, в Смоленске, в Москве. Опять ожесточенные гонения на нас от опытных начальствований вчерашних работ, сегодня старающихся удержать в своих неумных руках безобразные „всея полноты власти“, „бразды“ ей.

Особенно отчаялся Москва. И это понятно: там теперь находится „центральное правительство“, всегда являющееся узлом для свободы, инкубом для революции, декретно—империальным станком, бумагопрядальной машиной.

Не один царский трон пах за год русской революции. Шатается трон и сегодняшних господ—властителей. А они его укрепляют, не останавливаясь ни перед ложью и клеветой, ни перед жестокостями и кровавыми гонениями на анархистов, обливая их помоями, забрасывая камнями и гильзами.

Большевики оказались не только не умнее своих предшественников на троне из эсеровско-меньшевистского лагеря, но даже и не правдивее их. То же неумие (еще не сказать больше) приема борьбы с растущим не по дням, а по часам расширением учения об анархии, анархическим движением и с анархистами, те же извращения и подтасовка фактов, те же ложь и клевета на нас и на наших друзей и товарищей, та же кампанья безответственности в обращении с революционерами—безгосударственностью, та же „правда“ „официальных“ сообщений, в которых нельзя верить ни слову, не риску ошибиться, тот же грубый обмен малоразвитой умственною частью рабочих и крестьян, та же постройка узко—личного благоумия на невежество масс и доверчивости трудящихся, не ушедших еще страшить себя все предразсудки власти; словом, бешеный разгул произвола.

Взывать к благоумию большевиков? Сказать им, что они ослеплены властью, до уха обезображивая ею, сходят от нее с ума и этим сами же себе работ не могут?

Но разве лбом стегу прошибешь? „Не мечта бисера“... Местный большевистский офицер вынул 15 (2-го) апреля особый отгук телеграмм исключительно о московском погроме на анархистов, жирно печатая в заголовке: „десять человеческих жертв“.

— „Крови, Иго, крови! И чьей же, чьей? Крови голодных, крови угнетенных.“

Стыд и срам, несмыслимый позор властолюбцам, всем этим малякам, сумасшедшим, не видящим за своими узко личными или групповыми маленькими интересами огромных интересов всех бедных, голодных,—всех угнетенных, обездоленных, страдающих.

Где же свобода для бедных, свобода для голодных и угнетенных, которую они обещали, когда заребали в свои руки власть? От обещаний не остается даже и ломотья.

Действует кровавая баня, непрерывно спешащая из большевизма и революционного карьеризма.

Закрыты даже анархические газеты. „Акт временный“... Было бы смешно, если бы не было возмутительно до гримасы

души. Даже умереннейшая из умеренных анархических газет „Голос Труда“, даже безпринципно издававшаяся в буржуазной Америке, получила официальный плевос от „шесть бо власти“. Вот как далеко можно зайти, вот как глубоко погрязнуть в грязи, гоняясь за властью.

Мы, пережившие ужасы Томского погрома 1917 г., не можем сейчас хладнокровно говорить о московском разгроме анархистов: если бы самый хладнокровнейший человек унял все извращение фактов и всю вопиющую несправедливость московских пачей над анархистами, то и он после этого не мог бы больше оставаться хладнокровным.

Анархиста называют ворами, разбойниками, грабителями, убийцами реңцидентами, контр-революционерами, „лицами с уголовным прошлым“ (оказывается, амнистия касается только тех уголовных, кто идет в большевистскую партию). Прошлогоднее томское зло-обильное „двое разгоне“ анархизма“ повторилось недавно в ужасные больших размерах в Москве. Вей и всех скажи! Не о чем врать. Постыдился! Арестованы были литераторы-анархисты Лев Черный и др.

Когда говорят о попытках разгрома советов со стороны анархистов, аметомо гугут изи наглым способом провоцируют анархизм и анархистов. Так было и здесь в 1917 г., когда зарвавшиеся властолюбам нужно было для „упрочения власти“, умять невинной человеческой кровью. Мы боремся против обращения советов в свалочное место для политиканствующих нечестов.

О захвате власти анархистами говорят иногда даже мнание себя „вождями рабочего действия“. Эти подслеповатые и близорукие судят об анархизме по тем богатым фирмам, которые, называя себя анархистами, лезут в центральные и главные комитеты, как, например, в главный исполнительный комитет Томской жел. дор. „Язык без костей“—всякий пролаза может назвать себя, как ему угодно, но анархизм тут положительно не при чем.

Дело анархистов—работать *вне*, среди поработенных, но не карбаться по иерархической лестнице. Подзудим и подзудим себя нет среди анархистов (не дутых).

Если и может быть реч о присоединяющихся к нам, то во всяком случае не в таких великих и паутых размерах, как малюют большевики и как в любой политической партии. Большею частью к нам идут бедняки и голодные, сознание всю мерзость свирепного общества, борются прямо, честно и отважно за лучшее и умирать в борьбе—им победить. Если и нам и просвещаются бездельники, спасающие свою холенную шкуру и подобие им, то это явление у нас исключительное.

Не то в господствующей политической партии. В ней всегда пручится все карьеристы, проходчики и лодыри, каждой

сворой едешащіє к жи́рному і лако́мому парази́тскому піро́гу господа́тва і вла́сті і к те́плым ме́стам.

Другіх не суді,—вперед на себя погляді. Вот что надо помнить господам і політикам. Хотя, конечно, для серьезной работы мысли у них недостаток времени... да і могов.

„Жертв очень мало: как с одной, так і с другой стороны они насчитываются единицами“. Дальше: „Есть несколько человек убитых і раненых с той і другой стороны“. Но... „Несмотря на то, что анархисты были ликвидированы утром, обычная жизнь города вошла в колею только к обеду“. Выходит, официальное сообщение до крайности обильно і противоречиво. Кто спит на живую? Вот оно: „Все тайное станет явным“. Смотрите, смотрите, властолюбцы: і ваша теperняя живая нитка відешає, диссонующе режет глаза ікеючим іх для того, чтобы відеть все.

Репрессіє, диктатура налево всегда показывают безобіочно, как барометр, ослабление внутренней силы правительства, его внутреннее безіе. Правительственная же диктатура направо так же невозможно, как невозможно, чтобы река с уклоном к Ледовитому океану потекла „естественным путем“ в Индийскій океан. Создается только обман трудящихся—ослабляется их самостоятельность. Штыком можно бороться, но нельзя сидеть на штыке. Во-вторых, штык, как і палка, имеет два конца. В-третьих, под охраню штыка можно дотачиться до начальнического кресла, но невозможно сохранить его надолго за собою ісключительно силой штыка. Если бы „начальники“ могли обладать общечеловеческой сообразительностью, они не забывали бы эти положения.

Пролетариату, рабочему классу (городов і деревень) также нужна правительственная (хотя это правительство і тітулует, наивеличав себя „рабоче-крестьянским“) диктатура, как лошади—хому́т ілі волю—яремю.

Диктатуры пролетариата быть не может. Над кем ему диктаторствовать? Зачем ему диктаторствовать? Если он сіею сознанием своих интересов, он вым может омыть, очистить окровавленное лицо земли от шапки убогих рабочих і разбійников—от капиталистов і начальников. Если же в нем нет сознания, то ему не поможет никакая диктатура.

Видіте, диктатура настоящего времени все больше, больше і больше превращается в диктатуру против, над пролетариатом. Понятно: всякая диктатура есть лишнее самостоятельность вас, крестьян і рабочих.

Сознательно стать диктатором—все равно, что сознательно стать палачем.

Мы знаем, кто бы сі встал у власти, кто бы сіе захватил се в свои руки, назовіт он хоть сверх-социалистом, он принужден будет купаться по ладі официальных сообщений і умирать кровью угнетенных, рвущих шнур своего рабства, и стоять над востанчивых рабов тираном і творчеством. Поэтому мы ні-сколько не удивляемся тому, что протроенно дорожко всех властителей ідут больничные: это ровной іх путь,—его же не преидеть. Теперь мы імеем лишнее доказательство, что они приближаются к могиле. Нам хочется только спросит іх:

От редакції.

№ 3-ий „Бунтовщик“ не только был набран і сверстан, но было уже приступлено г. т. наборщицам і правке последней корректуры его. Виду́р председателем губернского совета народи хозяйства гр. Черепановым отдается приказ: „Бунтовщик“ не печатать потому, что об этом отдано распоряжение по телефону із губерни, исполнит. комитета совета р., кр. і с. д.

Раньше, бывало, неудобная газета ілі книга напечатается, а потом уж се „прихлопнут“, конфискует.

Теперь в Томске додумались до „лучшаго“: „прихлопнуть“ издание анархистов воспрещением типографіі даже печатать крог. Выходит, по крайней мере, не умнее прежнего.

Гражд. Черепанов заявил редактору „Бунтовщика“:

—Я нічого сделать не могу; мне приказано свыше.

Эта „ловка“ і „аргументирован“ обрядует, конечно, всех тюремщиков, полицейскіх і жандармов бывлых времен; все сіе жестокости они „обосновывали“ точно таким же манером.

— Неужели вы желаете для себя безславной, уворной і позорной памяти?

Если нет, откажитесь бороться с развитием народной революции, с расширением і углублением ея. Откажитесь сейчас: скоро будет поздно.

Видіте, куда вас пришло „сотрудничество с либеральной“ буржуазией, воспеваемое Луначарским і К.-о. Из стала революционеров большеикий переключают в уютный лагерь реакционеров.

Вы уже окончательно духовно обанкротились. Так чего же еще торопитесь? Знаете ведь: „Рожденный позать“.... Наконец і політ-то по полігланскому і дипломатическому визкому болоту власти надо уметь.

Треще же рекламируйте свое банкротство, свой крах, свое падение, свое нравственное оідзідство! Этим вы можете еще немного продлит дни вашего владычества. Видіте, вы приехали на нашу сторону всех дающих гогочущих, удалькающих, пускających і травящих. Смирніте они кроваважно кричат:

— Распни его, распни!

Но знайте і нікогда не забывайте, что холоды, псарі і царі не могут быть опорой революционного движения. А все они теперь готовы податься под наши жестоки репрессии. Анархистов опять гонят в революционное подполье. І кто же, кто? Те, кто называет себя „коммунистами“ і „крайніми“ социалистами. Подумайте, рабочие і крестьяне: кому после этого вы можете доверять защиту ваших интересов? Нікому, кроме себя самих. До тех пор, пока свое дело вы не возьмете в свои руки непосредственно, до тех пор вы не узнаете і лучшей жизни для себя.

Пролітая кровь анархистов не останется без возмездия. Никаки сами возмуделенными возмездиями к ірмінію предотвратит возмездие невозможно: это естественный закон борьбы. Всякое действие неминуемо вызывает противодействие.

Противодействие, озаренное сознанием,—это хорошо, но стійкое противодействие—это плохо... для вас, властвующе, потому что от него нельзя спастись вам, от него нельзя бежать і скрыться, оно веде наступит, веуд покарает. І самая ужасная кара—это оісна, к которой подходит предатель самі же.

Своячий ветер принужден жать бурю.

В таком положении находітсе вы, „товарищи“ большеикий. Так сумейте же собрать плоды своего неразумного посева! Мы протестуем всеми фибрами нашей мятежной души против московской кулачьей расправы с анархистами, против гонений і насилья над ними.

Но да будет:

Чем ноч темнее, тем звезды ярче! Да падет невинная кровь на головы обезумевших от власти сатрапов!

Слава побіиши за воплощение идеала анархі!

Вперед, живые,—приблизжайтсе к нему, если чувствуете весь страх і ужас современного гнета капитала і власти!

Больше вдумчивости, сознательности, самостоятельности і мумства, но наименее неразумия, если уж сегодня, в данный момент, невозможно ізбежать его совершенно.

Если вам, гр. Черепанов, прикажут свыше посадит в тюрьму, расстрелять ілі „вздернуть“ Кропоткина, Гордына, Кареліна ілі вообще кого-либо із нас, рядовых анархистов, то вы этот приказ „приведете в исполнение“, не задумываясь над ним своею головою, но протестуя против него всеми силами і средствами? Так, конечно, должен сделать всякий социалист—господин. В этом заключается главный рычаг, основной двигатель той сверкающей махины, имя которой государство, правительство.

Если „социалистическое отечество“ и дальше будет „развиваться“ по тому же пути, всё в том же направлении, то в результате придется прийти к выводу, что между социалистическими „вождями“ и прежними командрами (в сикх мундирях и с асельбантами) нет никакой разницы.

По поводу воспоминания печатания „Бунтовщика“ т. т. рабочие типографии отравили делегацию к „властям претеркающим“. В ответ им было вручено следующее постановление:

Российская советская федеративная республика, Томской губернии, исполнит. комитет совета крестьян, рабочих, и солдат, депутат. Секретариат, 18 апреля 1918 г. № 2190. Томский губ. испол. ком. сов. раб., кр. и солдатских депутатов постановил: 1) Разрешить сов. нар. хоз. печатать в его типографии все печатающиеся там в настоящее время издания за исключением „Буктовщика“, при чем цензурному отделу отдела нар. обр. предоставляется право в каждом отдельном случае по вопросу о прекращении печатания того или иного издания входить с докладом в губ. исп. комитет. Т. председателя С. Непенин. Управляющий делами Орлов. Исп. об. секретаря С. Лисица.

Цензурный отдел отдела народного образования. Цензура, народное образование. Какое между ними родство? Что может быть общего между ними? Как можно сблизить северный полюс с южным? Как можно примирить диаметрально-противоположные интересы цензуры и народного образования?

Радуйтесь, поборники обскурантизма и мракобесия, апостолы кнута: в России опять существует цензура!... даже объявился с „народным образованием!“ Ах, какая „милая“ компания!

Все же мы решили продолжать издание „Бунтовщика“, несмотря на дикую репрессию, примененную к нему, и выпускаем его 4-ый номер.

Жизнь и фанты.

Патриоты бегут первыми.

„Журнал дю Пенья“ сообщает интересные подробности о паническом бегстве богатых парижан на юг Франции. Одним из первых бежал президент лиги патриотов Барро.

Предательская рада — немцам, но не русским!

По словам „Действительнейшего“, Киевская рада постановила откупить Германский сахар, шпеницу, рож, овес и другие продукты. По сведениям „Нейе-фрейпрессе“, на станции Володчик и Броди прибыли первые товарные поезда из Украины. Десятки вагонов лаванды, фруктов, луком, крупой, подсолнечным маслом и другими продуктами!

Смотрите, „любуйтесь“, российские бедняки и голодные, на то, как угнетатели нашего „милаяго“ отечества, поддерживают между народных палачей, стремясь умерить голодной смертью русских революционеров из крестьян и рабочих и способствуя подавлению революции в других странах.

Германские „социалисты“.

Цюрихская (Швейцария) „Фольксрехт“ замечает: „Представители германской социал-демократии продолжают поддерживать военную политику германского правительства, хотя и вынуждены признавать, что она является политической грабежа и насилием“.

Это одна из „прелестей“ парламентаризма, характеризующая парламентских социалистов вообще, не только в Германии.

Гения во Франції.

В Париже за пропаганду в пользу мира приговорена к 3-м годам тюремного заключения учительница Елена Бриюф.

Так республика золотых мешков давит своих революционных детей.

Падшая.

Во мгле вечернего тумана
Вредет по скользким мостовым
Дитя любовного обмана
И смотрит взором неживым.

И давит мрачные громады

Домов: холодный их гранит
Во кинет в сердце луч отрады,
Потухший взор не оживит.

Надежды юные разбиты,
Во власть разврата отдалась,

И слезоточивы — паразиты
В ее объятьях свою страсть

За делов жадно утоляют
И своей хищности — зверей

Святые чувства поирают
И надругаются над ней.

Ужель несчастное создалье
В пороке непробудно спит,

Ея потухшее сознанье
Ея ничего не говорит?

О, нет! Безумное страданье

Терзает сердце ей тоской,
Терзает ум воспоминанья

О прошлом юности святой,
Чета, как снег вершины горной,

Мила, прекрасна и резва
Цедра она красой задрорной,
Надежда и радости полна.

Как птичка речера, порхала
Весь день до вечера с утра

И звонкой песней оглашала
Свой домик. Светлая пора!

Гуляла по дугам росистым,
Рвала душистые цветы.

Под пенью отблеск голосистых
Тала выны мечты.

И мир был светел и прекрасен,
И жизнь: как тихая река.

Текла, но рок ее ужасный
Стерг: нащадная рука

Судьбы — злодейки жизни разбила,
Ея толкнул в жизнь грязь,
Навек мизантроп погубила,
И дивный свет очей погас.

Пашла, гонимая нуждой,
Она не твердокостной —

Борься с постигшем бедою.—

Терпелив, тужко стезей.

Нужда жестокая терзала,
Умилба пошлаго жадна,

Несчастный миг... Она рыдала
В объятьях жарких поделен.

Служа мигнов поделен,
Не долго покила она

В чертоге поделен и скоро
Из дома была прогнана.

Во мгле вечернего тумана
Вредет по мутным мостовым

Дитя любовного обмана
И смотрит взором неживым.

М. Андрюнин.

„Буревестник“.

„Революционное творчество“.

Содержание выходящего в ближайшем будущем № 1—2 го „Революционного творчества“ (Москва, 4-ый Тверской-Ямская, д. 20, кв. 10, Ф. Ночеллопу).

1) Меркурий Степной „К свету“, „Свободы“ и другие стихотворения. 2) Горки „Анархизм и социализм“, поэма. 3) Марк Волынский, Единая платформа анархизма. 4) Лев Черный, Очерки по истории культуры. 5) А. А. Солонич, Всероссийская генеральная конференция интеллигентского труда. 6) Ф. М. Науменов, Основы и формы организации автономной уральского казачьего войска. 7) Хроника. 8) Отдел кооперативного товарищества. 9) Библиография. 10) Стратегический анализ анархистских федераций, клубов, газет, журналов, книгоиздательства, кишиневских осповод, организационных бюро, коммун, мастерских и кооперативов. 11) Объявления.

То, что в Петрограде — дело настоящего дня, в Сибирь вообще и в Томске в особенности — дело дня грядущего. Поэтому мы ниже и помещаем статью т. Т. Семенова по поводу экспроприации домов, являвшейся очередным вопросом революционной жизни в Петрограде в январе-феврале г. г.

Ред.

Держайте!

Письмо к рабочим Невской заставы по поводу экспроприации домов.

Друзья мои!

К тому, что я говорил на собрании упомянутого союза домовых комитетов и продовольственных организаций, позволю себе добавить еще некоторые соображения относительно экспроприации домов.

Пусть отойдет от вас злой дух, внушающий, что для захвата и распределения жилищ нужна стройная организация, возглавляемая палкой из Смольного. Творить в Москве.

Палка пригодна для того, чтобы бить. Она и была вав равно столько некой, сколько существует человечество. Если уж вы непременно хотите бить битыми, то от маленького дубового Линаина ипте к Корниюну. Он даст вам тарана побольше.

Но вы не палки ипте.

Вам! детинки мерзнут и голодают.
Так вы с прокормителями и согреваются ипте.

А палка — законна, принудительные покупки и железную дисциплину вы спрачете внутри себя. Пусть они обнаружатся в вашем творческом горении, в мощной воле к работе и созданию.

Вы подошли к этому.

Вы давно ипте, что о вас некому заботиться, слава богу! Вам некому мешают.

Чего же ждать?

Немедленно приступите к работе!

А то, пока вы будете разсуждать, какое наказание и какую палку вы воздвигнете над собой, вы и затеи паромарангут и перемерзут с голоду и от болезни.

Медлить ни одной минуте нельзя.

Пусть ваша совесть и ваш здравый смысл будут вашим начальником.

Вы не грабители, которым нужна честная буржуа—трактирщик, чтобы продать и продать нагробенное. Крайние меры к безхозному нужды толкают нас к анархическим действиям. Не бойтесь слова анархист. Оно страшно для туеснядей и поборников кнута всех партий и классов.

Анархизм—высший закон совести человека в нем самом, высшее напряжение его творческих сил, высшая самоцивилизация человека.

Вы—паря мелева и стали—герои теперь. Вы—мобильный поганог капиталистического строя.

В наших пинах и в наших зубах я уже почувствовал царство третьего завета—открытие анархизма, духа бунта, который так долго не прояснялся в душе человека.

Пока он спал, творился слякотный и развлекательный в революции; теперь он просыпается, начинается подлинная революция.

Не угашайте же духа и себя!

Каждое ваше действие, каждый шаг будет неверочен, если он не от разбоя и удушения человека человеком идет, а от духа протеста против неправды, горящего в нас.

Так действуйте же!

Несомненно меркантиль, государственн, задыхающийся в духоте, болельщик в области и гривой подвохов наших детей переносит в свободные, теплые и просторные жилища, кто бы ни чинился их хозяином.

Занятия и посевы завтра вы будете обсуждать—как невесты на своих пачках неслику, организацию коммуны некакого района. А сегодня оденьте, обуйте, попользуйтесь всеми средствами, где бы и у кого они не находились.

Пусть не страшат вас поборники кнута тем, что вы устанавливаете голодное равенство. **Дане такое равенство душе,** чем то, когда один умирает от голода и холода, а другие занимают многоэтажные здания, в волю питаются 19—вод ноли.

За голодом равенством идет немедленная работа всех и каждого. Вы это повинны—пусть не страшат вас слова.

Угнетенный и мучимый нашими красноречивым не нужно. И я, любящий вас, не нужен вам. Пусть ваше собственное дело будет в ваших только руках.

Пусть кричат, что вы делаете плохо. Не обращайте внимания. Вы ведь для себя, а не для чужого дела творите, и пусть ваше творчество будет направлено на то, что вы хотите.

Когда явятся другие погребенные, вы будете работать для них.

Помните лишь одно, друзья мои, что **разрушение старого—половина дела.** Другая половина в творчестве нового.

Вы уже приступили к творчеству нового, отборности кнута,—пусть же ваша сила, ваше упрямство превзойдут то напряжение, которое создавалось под ударами кнута.

В итоге—только в этом залог вашего успеха.

И. Семенин.

Р. С. Я и мои друзья анархисты с великой надеждой выразим на ваше являло. Намного и говорить, что в минуту нужды мы будем среди вас.

К сведению родителей и учителей.

В Москве выходит еженедельный журнал **„Свободная школа жизни“.**

Журнал ставит себе целью: разрушить остаревшие школы-тюрьмы и создание новой свободной школы жизни на началах свободы, преданности, дружбы, физического труда и уметственной деятельности.

Свободные школы жизни имеют целью развитие индивидуальности, высокой нравственности, жизнедеятельности, здоровья творческого духа и силы воли в ребенке.

Свободная школа ставит себе задачей создание нового человека.

Вех, кого интересует этот вопрос, просим откликнуться по адресу: Москва, 2 ой Тверской—Явский пер., дом Трудолюбия. Редакция и инструктор **„Свободной школы жизни“.**

Б. В. Викторич.

Труд и анархия.

(Письмо всем трудящимся).

Товарищи-трудящие!

Загорается пламя великой зарп!

Несчастные, истрадавшие, обманутые народы прерабывают, наконец, чтобы увидеть тот Ideal, к которому они должны всею душою стремиться. Все сильнее и сильнее пробуждается в народе сознание равной жизни.

И, наконец, ведаетек тот час—час пробуждения—когда все народы (без различия рас и наций) протянут друг другу братскую руку: когда каждый гражданин (лишь вернее раб того или иного государства) отречется от своей родины, своего отечества-государства,—уничтожит его, как оплот какой бы то ни было власти, угнетающей трудовой народ, а признает своим отечеством и родной, всем мир, все земное пространство, населенное такими же людьми—братьями, как и он.

Только тогда познает народ во всей полноте ту свободу, которую он так долго, но тщетно ищет.

И только тогда будет свободный, настоящий человеческий труд—разумный.

Не будет притеснений, насилий, эксплуатации: уничтожится государство—гнет и капитал.

Уничтожится власть—не будет и рабства.

Будут в воляных городах—коммуны.

В деревнях-свободные общины. Станет каждый трудиться для всех и все для каждого—с сознанием того, что он и все трудятся для самих себя, что каждый и все, чем больше будет трудиться, тем лучше для них.

Возраится свободный, светлый труд.

То сделает а н а р х и я.

Труженник „фабрики Берг“ в Твери

Константин Безприютный.

Письмо в редакцию.

Прошу напечатать.

Я, гражданин Догин Антон Григорьевич, член бывшего учредительного собрания, наблюдая картину борьбы социалистов за власть, и не находя большой разницы между властью царей-монархистов и царей-социалистов, пришел к убеждению, что лишь осу-

ществление на деле идеи анархизма (безвластной организации жизни) спасет российскую революцию, добывшую трудовыми народам.

Поэтому я никогда более не желаю быть членом учредительного собрания или другого какого-либо законодательного учреждения! (платформа, государственной думой), совершенно не нужная народу, как и правительством. 1918 года апреля 22 числа.

Логис Григорьев.

От редакции. Мы приветствуем открытое заявление товарища Логина Григорьевича, осознавшего свое партийное заблуждение. Все тех, для кого партия не является доброй короной, жизнь засаганя, рано или поздно, последует примеру нашего нового товарища.

Заявление.

На собрании съезда учителей вчл. 23 (10) апреля н. п. синдикатом Коробельник, представителем Том. союза объединенных анархистов, называвшем себя анархистом—коммунистом и говоря, что ему неизвестно о существовании в Томске группы анархистов „Набат“.

Заявляю, что если бы синдикатом Коробельник был комиссаром полиции или жандармерии, то в таком случае мы бы стали бы делать ему доклад о том, что мы-де так-то, то и в-так-то оставили своего группу анархистов „Набат“. Ponadto, мы не просили у вас разрешения или дозволения нам организовать в группу. И приходить удаляться: на каком основании синдикатом Коробельник публикует свои поспешные претензии?

Приходите удаляться также и смею-стости Коробельника, называвшего себя в неадекватной его среде анархистом-коммунистом, когда в действительности он—только синдикатом, законспирированный, лавочник с синдикатом Васильем Салинским, околом ситничим протекция—а главным исполнителем комитета Томской жель. деп.

На основании обвинения Коробельника о существовании группы анархистов „Набат“ ситничим большинство учительского съезда не могло, высунуть нашего товарища (Е. Клеваня), не мешаяго, видя ли—иричина „нажнана“, запачканной чернилами бумажкой от нас—мандата.

Водларям революции не глается правда: она им глаза режет. И вы, дуркающиеся во лжи и обмане, хотя и закрываете перед нею форточки, но она все же проливает в жизнь—и угнетенным.

А это—самое главное.

Группа анархистов „Набат“.

1-ое мая.

Рабочие и крестьяне!

И в 1-ое мая не давайте себе кумира и не предавайте его, как стадо Идопоклонников—не будите праздноим. Лучше задумайтесь сегодня, в день всеобщего рабочего отдыха, совершенно *самодельно*, своим мозгом над все, что вы знаете, страдальчески попользуйтесь и выкачайте самостоятельность из не пори и социалистским фарисеям, способам сваять его со своих плеч.

Не порте больше и социалистическим пышкам. Разорвите на себе *свои* же все пути и поноши. Становитесь, дети труда, могучими кузнецами своего счастья и сознательно идите к анархии.

И вы станете свободными.

Е. Мирин.

Редактор Е. Д. Яковлев.

Издатели—издательство „Набат“.